

Однако как раз в это время в Одессе открывается вакансия заведующего кафедрой анатомии и физиологии Новороссийского университета. Известна рекомендация профессора А.С. Фоминцына:

«...Самым достойным кандидатом является доктор ботаники Михаил Семенович Цвет, ученый с европейским именем, исследования которого над хлорофиллом составляют гордость русской науки и были уже отмечены Императорской академией наук присуждением Большой Ахмановской премии в 1911 г. <...> Ныне с эвакуацией Варшавского политехнического института этот выдающийся ученый превратился в беженца и за отсутствием лаборатории должен был прекратить свою плодотворную деятельность... Университет исполнил бы лишь долг перед русской наукой, дав возможность столь выдающемуся ученому занять подобающее место и продолжить свою научную деятельность».

Но, несмотря на блестящую рекомендацию, М.С. Цвет по конкурсу не прошел. Что же произошло в очередной раз? Как мы уже видели, ученые старшего поколения не слишком интересуются методом хроматографии. И, может быть, относится к нему не без иронии. К тому же, есть еще один существенный момент: профессор М.С. Цвет за годы, прошедшие в России, так и не стал здесь «своим». Что же делать?

Недаром Елена Александровна, жена профессора Цвета, обладала решительным характером. Вот что она пишет на имя товарища министра народного просвещения В.Т. Шевлякова о попытках замещения ее мужем вакантных должностей в университетах:

«<...> если это замещение будет производиться не путем конкурсов, куда доступ открывается одними научными заслугами, а путем выборного начала, при котором, как хорошо, увы, известно, зачастую решающую роль играют знакомства и приятельские связи, то, за неимением таковых, мой муж вряд ли сможет рассчитывать проникнуть в замкнутый университетский круг. Одна надежда тогда на исключительный случай специального назначения самим министром. <...> Вопрос времени, надо сказать, играет для мужа немаловажную роль. Если хотеть спасти его от тяжелых условий, в которых он прямо гибнет физически, надрываясь от непомерного, не по силам (муж некрепок здоровьем) труда, то это надо сделать, не откладывая <...> Муж <...> имеет 18 часов занятий в неделю. <...> И это занятия по второстепенному, побочному в специальных заведениях предмету, причем нельзя рассчитывать ни на особый интерес слушателей, ни на какую бы то ни было хоть самую скромную школу.

Энергия уходит на «преподавание», нравственного удовлетворения никакого; запас научных идей — мертвый капитал, который некому передавать; личная научная работа сводится к минимуму. И так уходят лучшие годы. Ведь это же гибель. Какое вопиющее противоречие между лестной оценкой М.С. Цвета как даровитого ученого и невозможными условиями, в какие он как ученый поставлен».

Письмо это — скорее попытка выговориться. «Знакомств и приятельских связей» от него не прибавилось, да обеспечить их было и не в силах товарища министра. Как и следовало ожидать, никакого «исключительного случая специального назначения самим мини-

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

стром» не последовало. Что делать? По всей видимости, профессор Цвет не любил вести «разговоры для разговоров», заводить на службе очень нужные для карьеры связи, обивать пороги кабинетов, что-то выпрашивать et cetera. Но вернемся в 1915 год.

Итак, Одесса отпадает.

Что ж, остается Нижний Новгород. В этом городе М.С. Цвет читал лекции по ботанике для студентов разных специальностей, много занимался общественной деятельностью, но для серьезной научной работы условий здесь не было. А здоровье все ухудшалось и ухудшалось...

сознанием, что есть еще множество людей, которые из-за войны находятся в худшем положении».

Получается следующая картина. Нижний Новгород — хорошая база для эвакуированного Политехникума. Но имущество «не совсем профильного» Ботанического кабинета частично остается в Варшаве, поэтому недостающее оборудование М.С. Цвет закупает в Москве. Кабинет в Нижнем оборудуется в здании Владимирского реального училища.

Уже составляются учебные планы, губернское земство активно поддерживает начинания варшавских ученых.

сали, что в Сибири на станциях лежат битые туши, и что весь этот запас в полмиллиона пудов сгниет при первой же оттепели. Все попытки земских организаций и отдельных лиц разбивались о преступное равнодушие или полное неумение что-либо сделать со стороны властей. Каждый министр и каждый начальник сваливал вину на кого-нибудь другого, и виновников никогда нельзя было найти. Ничего, кроме временной остановки пассажирского движения, для улучшения продовольствия правительство не могло придумать...»

Об этом же еще резче вспоминал такой мемуарист, как генерал А.И. Деникин:

«Бесправие и сыск достигли небывалой еще степени. Русский независимый суд подчинен был требованиям «политического момента».

<...>

Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильным и неумелым в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были, несомненно, и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промышленных кругов.

Деревня была обездолена. Ряд тяжелых мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твер-

дых цен, с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения — в начале, а затем злоупотребление в системе разверстки хлебной повинности, при отсутствии товарообмена с городом, привели к прекращению подвоза хлеба, к голоду в городе и репрессиям в деревне.

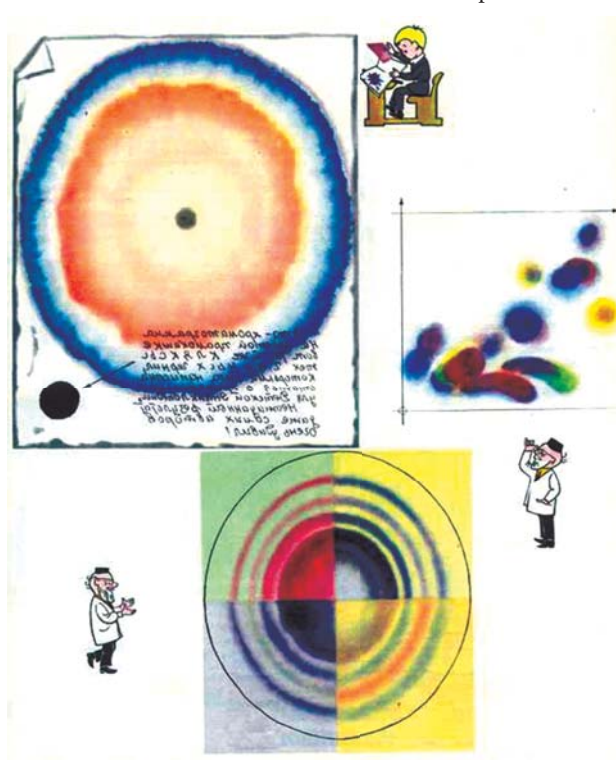
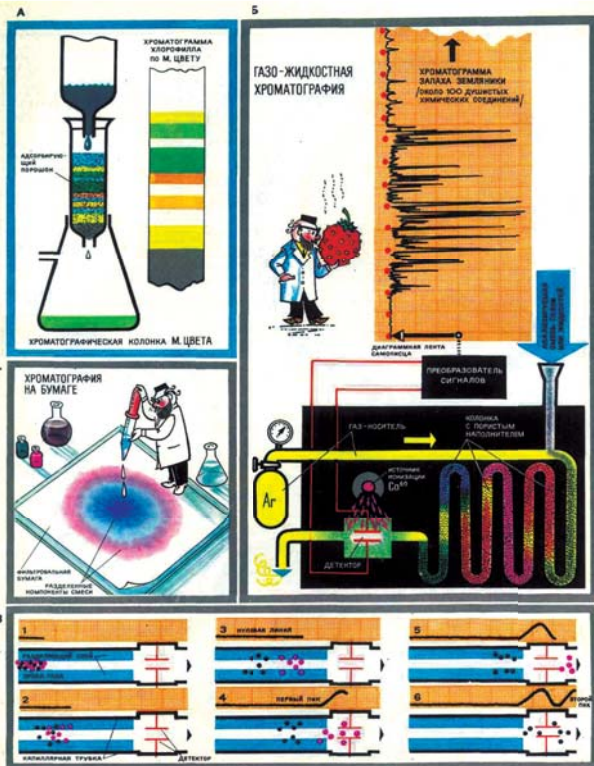
Служилый класс, вследствие огромного поднятия цен и необеспеченности, бедствовал и роптал».

Тяготы и лишения военных лет уже дают себя знать и в Нижнем Новгороде. В аудиториях холод, начинаются перебои с продуктами питания. Профессор М.С. Цвет, несмотря ни на что, начинает чтение лекций для студентов и участвует в создании Нижегородского общества естествоиспытателей, задачей которого является просвещение горожан — для тех, кто интересуется научной постановкой сельского хозяйства, и любителей физики и астрономии. Елена Александровна Цвет активно работает в «Обществе вспомоществования недостаточным студентам», это дело ей знакомо, она помогла бедной молодежи еще в Варшаве.

Эти рисунки в юмористической форме показывают суть хроматографического анализа

Художники: Ю. Макаренко, Г. Северденко
<http://www.childrenpedia.org/3/page393.html>

Продолжение следует

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как раз в это время политическая обстановка в стране меняется коренным образом.

Первая мировая война на корню уничтожает Европу. В России патриотический подъем первых месяцев сменяется разочарованием. Нерадостные вести с фронта, министерская чехарда, Распутин, по стране ползут самые темные слухи... Фронт и тыл устали от войны. Скажем прямо: это было странное время. Один из лидеров партии октябристов, председатель Государственной Думы третьего и четвертого созывов М.В. Родзянко писал: «Правильная работа главных отраслей государственного хозяйства, связанного с войной, неуклонно потрясалась постоянными переменах. Очевидно, никакого толка выйти из этого не могло. Получался сумбур, противоречивые распоряжения, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, решимости и одной определенной линии к победе.

<...>

С продовольствием стало совсем плохо. Города голодали, в деревнях сидели без сапог, и при этом все чувствовали, что в России всего вдоволь, но нельзя ничего достать из-за полного развала в тылу. Москва и Петроград сидели без мяса, а в это время в газетах пи-

Цвет не сдаётся. Варшавский политехнический тем временем обустраивается на новом месте; это первое высшее учебное заведение в городе, поэтому все снова непросто. Что делать? М.С. Цвет организует здесь Ботанический кабинет, входит в состав оргкомитета Высших сельскохозяйственных курсов. Собрания оргкомитета проводятся, как правило, прямо в лаборатории М.С. Цвета. Впоследствии Курсы реорганизовали в Агрономическую школу, а затем — в агрономический факультет Нижегородского университета.

Ученый пишет друзьям в Женеву, по привычке используя иногда ботаническую терминологию:

«...Мы пустили корни. Это не так легко, так как почва довольно засушлива. Я кое-как организовал лабораторию, но недостаток литературы велик. Я имею основание надеяться, что кто-нибудь другой воспользуется тем, что я сделал, а я скоро получу университетскую кафедру, что не переставало быть предметом моих желаний. В ожидании мы живем беспорядочно, снимая две комнаты в семье адвоката, счастливы, имея подходящую мебель и приличный обед, что нам подают. Конечно, это несколько тяжело, когда приближаешься к 45, но утешаешься